

© 2009 г. А.Н. БАРАНОВ, Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ*

В статье обсуждаются основные направления исследований в современной фразеологии. Обращается внимание на необходимость использования такого способа анализа, который основывается на изучении множества факторов, влияющих на формирование и функционирование феноменов фразеологической системы. Подчеркивается роль внутренней формы, влияющей на синтаксические, семантические и прагматические особенности поведения идиом.

1. ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Один из универсальных методов анализа сложных феноменов – факторный анализ, используемый как в естественных науках (в биологии, физике и химии), так и в гуманитарных – например, в социологии при исследовании социальных групп или в психологии для изучения феноменов сознания. Суть этого метода заключается в том, что явление анализируется с различных точек зрения – с помощью разных параметров, – отражающих разные аспекты его структуры и функционирования. Эти параметры на начальном этапе анализа не обязательно должны быть связаны друг с другом. Скорее наоборот: они выглядят как самостоятельные. На втором этапе исследования выявляются возможные взаимосвязи выделенных параметров, проявляющиеся в повторяемости сочетаний значений параметров, что позволяет описывать явление системно, выявляя несочетивные и теоретически непредсказуемые взаимосвязи¹.

Язык и его фразеологическая система по сложности ничем не уступают тем объектам, к которым обычно применяют метод факторного анализа. В качестве параметров описания фразеологии мы предлагаем выбрать характеристики следующих феноменов, часто представляющихся исследователю совершенно независимыми:

- Актуальное значение;
- Внутренняя форма;
- Синтаксис, в том числе варьирование;
- Стиль (в широком понимании).

Актуальным значением фразеологизма естественно считать ту часть его семантики, реализующейся в некотором типе контекстов, которая необходима для правильного понимания этих контекстов (при этом игровые и нестандартные употребления исключаются). Актуальное значение лишено образа, и в этом смысле оно близко значениям слов обычной (неметафорической) лексики. Так, актуальное значение идиомы *отдать концы* можно описать как ‘умереть’. Иными словами, в обычном случае образная составляющая в актуальное значение идиомы не входит. Знание того, что идиома *отдать концы* значит ‘умереть’, достаточно для понимания типовых контекстов с этим выражением.

Частью плана содержания идиомы *отдать концы* является, однако, и ее образная составляющая – внутренняя форма, – которую можно описать как *что осмысляется*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-04-12117в.

¹ Основные положения факторного анализа см. в [Харман 1972]; применение факторного анализа в гуманитарных науках см., в частности [Митина, Михайловская 2001].

как прекращение контактов с окружающим миром и описывается как начало процедуры отчаливания корабля². Таким образом, внутренняя форма идиомы – это образный компонент плана содержания, который часто проявляется в нестандартных употреблениях, формируя игровой слой семантики. Ср. *Делается все не просто, а очень просто: достаточно одной рукой заткнуть рот жертве... то есть потерпевшему, а другой рукой зажать нос. Если потерпевший через несколько секунд не вскочит, значит, вы можете со спокойной совестью отправлять его в морг. Некоторые уверяют, что так можно оживить даже покойника. Ну, это, доложим вам, явный перебор. Если уж человек отдал концы, то сколько б вы ему их не протягивали... Такой уж покойники упрямый народ* (Корпус русской прозы). В отличие от актуального значения, которое должно быть единым или очень близким у разных носителей языка, понимание внутренней формы менее унифицировано. Это и составляет одну из проблем в описании семантики идиом. Выявление инварианта внутренней формы и фиксация этого инварианта в модели значения³ идиомы – одна из важнейших задач семантического описания фразеологии.

Отметим, что первый опыт пояснения в толковании внутренней формы представлен в словаре М.И. Михельсона, в котором прием экспликации образной составляющей используется почти регулярно. Ср. толкование идиомы *подставить ногу*: «подгадить кому (как поступают в борьбе, чтобы повалить противника)», или устаревшей идиомы *под освещением*: «представлением чего-либо в известном виде – в известном свете (намек на освещение картин краской и на изображение света и всех изменений и оттенков его; а также на вид предмета в зависимости от более или менее удачного освещения его)» [Михельсон 1902–1903]. В последующей лексикографической практике эта идея была прочно забыта, а соответствующая техника толкования – потеряна.

Еще одна проблема – соотношение актуального значения и внутренней формы между собой. Принято считать, что внутренняя форма – это периферийный слой семантики, как правило, не охватывающийся толкованием и другими типами семантических экспликаций. Иными словами, актуальное значение и внутренняя форма неравноценны, причем в том смысле, что внутренняя форма «слабее», менее существенна и даже факультативна – либо отсутствует вообще, либо воспринимается носителями языка по-разному. На материале фразеологии эта идея часто подтверждается. Однако в целом ряде идиом актуальное значение, наоборот, элементарно, а внутренняя форма образует наиболее существенную часть плана содержания. Таковы, например, идиомы-речевые формулы, указывающие на неуместность предшествующего речевого акта собеседника: [– Ну?] – *Баранки гну!*; [– Где?] – *У тебя на бороде*; [– Откуда?] – *От верблюда!*; [– ...товарищ...] – *Тамбовский волк тебе товарищ. / Твои товарищи в Брянском лесу бегают, хвостами машут*; [– Куда?] – *На кудыкину гору*; [– ...товарищ...] – *Гусь свиные не товарищ*; [– Кто?] – *Дед Пихто*; [– Ну?] – *Когда запряжешь, тогда и будешь нукать*; [– Ну?] – *[Не нукай,] не запряг [ещё]*; [– Потом.] – *Суп с котом*; [– Куда?] – *На улицу Труда*; [– Почему?] – *[Потому что «почему»] кончается на «у»*. В семантическом поле идиом, обозначающих речевые акты с семантикой несогласия и возражения, представлено порядка пятидесяти выражений такого типа.

Собственно актуальное значение этих выражений сводится к идее неуместности реплики собеседника, а способ указания на это – внутренняя форма – оказывается чрезвычайно разнообразной. Именно это и оправдывает существование такого большого количества речевых формул указанного типа с идентичным актуальным значением. Рассматриваемая особенность семантики идиом хорошо видна на примере толкования речевой формулы *баранки гну*: [– Ну?] – *Баранки гну!* = ‘оценка неуместности речевого поведения собеседника как ответная реакция на его реплику, содержащую частицу «ну» и настоятельно и, тем самым, невежливо побуждающую говорящего сделать что-л., в форме указания на собственную занятость абсурдным действием придания круглой

² Здесь и далее внутренняя форма отражается в семантических экспликациях курсивом.

³ О понятии модели значения см. [Баранов, Добровольский 2008: 160–212].

формы одному из видов хлебобулочных изделий, уже имеющему круглую форму, причем выбор названия действия определяется исключительно тем, что оно рифмуется с первой репликой собеседника и тем самым утрированно имитирует его речевое поведение'.

В приведенном толковании внутренняя форма, вводимая оператором 'в форме указания на', выделена курсивом. Видно, что удельный вес внутренней формы в семантике идиомы *баранки гну* существенно выше, чем актуального значения⁴. Следствия внутренней формы обнаруживаются и в реальном употреблении данной идиомы (и других идиом такого типа) – крайняя невежливость (почти грубость), передразнивание собеседника, нежелание продолжать коммуникацию (по крайней мере в этом направлении). Все эти эффекты невозможно объяснить, если ограничиваться только актуальным значением. Таким образом, для случаев рассматриваемого типа метафора «слоеного пирога», часто используемая для описания и объяснения феноменов значения, непригодна: она мало что объясняет. Скорее, можно было бы говорить о метафоре айсберга: верхушка айсберга – актуальное значение, а его подводная часть – внутренняя форма.

Синтаксис идиом – также сфера действия различных факторов. В частности, синтаксическое поведение идиом тесно связано с их семантикой. Это касается не только актуального значения, но и внутренней формы, которая, в частности, определяет семантическую членимость идиомы. Стилистические характеристики идиомы – это сложный параметр, который состоит из ряда самостоятельных аспектов. Сюда относятся временные характеристики идиомы (устаревшее, устаревающее и пр.), собственно стилистические характеристики (высокое, сниженное, грубое и пр.), дискурсивные параметры (журналистское, книжное, жаргонное, просторечное, народное), регистровые операторы (эвфемизм, дисфемизм). Выделенные сферы описания фразеологии и связанные с ними параметры исследованы в имеющейся литературе в разной степени. Однако совершенно за пределами рассмотрения осталось взаимодействие этих факторов, влияние каждого из них на какие-то другие. **Современная теория фразеологии уже подошла к такому этапу, когда постановка задачи исследования взаимодействия различных факторов представляется не только осмысленной, но и необходимой.**

Рассмотрим на конкретных примерах возможные типы подобных взаимодействий и взаимовлияний. Сначала обратимся к феномену внутренней формы, к типам описывающих ее моделей, а также к тому влиянию, которое образ оказывает на актуальное значение (раздел 2). Затем мы рассмотрим различные факторы, которые значимы для стилистической характеристики идиом (раздел 3). Внутренняя форма влияет и на игровые употребления идиом (раздел 4). Взаимодействие семантических и синтаксических параметров рассматривается в разделе 5.

2. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИДИОМЫ

2.1. Модели внутренней формы

Способ указания на актуальное значение, фиксированный во внутренней форме идиомы, можно назвать **моделью внутренней формы**. Значительная часть моделей внутренней формы основана на метонимии, понимаемой в широком смысле. В **метонимических моделях**⁵ во внутренней форме фиксируется часть процедуры, действия, общей ситуации, хотя имеется в виду целое – вся процедура, все действие, вся ситуация. Указание в метонимических моделях может основываться на описании невербального поведения, часто представленного в ритуализованных процедурах выражения

⁴ Следует иметь в виду также, что в часть толкования, не выделенную курсивом, попадает не только актуальное значение, но и иллокутивная составляющая 'как ответная реакция на его реплику...', эксплицирующая иллокутивное вынуждение со стороны собеседника.

⁵ Названия моделей даются по различным основаниям: ниже разбираются и метафорические модели, в частности, модель пространства, модель времени и пр.

соответствующей коммуникативной интенции (в том числе на жесте): *поклониться в ноги / ножки; памятник поставить; бить поклоны; склонить голову; [взять] под козырёк; ударить по рукам; по рукам; щёлкать каблуками; повернуться лицом (к кому-л./ чему-л.); во фронт*. Метонимическими можно считать и такие модели, в которых фиксируются характерные признаки ситуации, связанной с выражаемой коммуникативной интенцией, ср. *семь футов [воды] под килем; барабан на шею, флаг в руки*. Метонимическими по природе являются модели, основанные на псевдоисчерпании, т. е. на частичном перечислении элементов множества, представляющих все множество, ср. *ни сват ни брат; ни кола ни двора*. К метонимическим моделям относятся также такие способы указания на актуальное значение, которые предполагают выбор одного из элементов некоторой последовательности или процедуры: *до гробовой доски, по гроб жизни, до гроба / могилы, с/от молодых / молодых ногтей, со школьной скамьи*.

Синонимическая модель характеризуется тем, что в качестве указания на актуальное значение используются два квазисинонима: *целиком и полностью, любо-дорого смотреть*. В этом же ряду можно рассматривать **модель редупликации**: *чин-чинарём, чин-чином*. Довольно часто во внутренней форме идиом встречается **модель множества**. В ряде случаев она реализуется как отрицание наличия даже одного элемента некоторого множества: *ни звука, ни пылинки / соринки, ни копейки / гроша, ни души, ни капли, ни грамма, ни крошки, ни грамма, ни грана, ни на йоту*. Отрицание может отсутствовать, что приводит к модификации актуального значения в противоположную сторону – *до копейки*. Модель множества может реализоваться и в ровно противоположной стратегии, когда во внутренней форме указывается на все множество (*всем миром*); все множество и каждый из его элементов (*всем и каждому; все и каждый; ты да я, да мы с тобой*); все множество и отдельный его элемент (*все до последнего, все до единого*) или несколько разных множеств (*все/всё и вся*). Множество может задаваться последовательным перечислением (*по капле, шаг за шагом, капля за каплей, день ото дня, изо дня в день*), представляться формулой, полностью исчерпывающей его содержание – **модель взаимодополняющих подмножеств** (*душой и телом*), множество может указываться по своим крайним членам (*от А до Я, альфа и омега, [и] стар и млад, от мала до велика, [и] нашим и вашим*). С моделью множества тесно связана **модель счёта** элементов множества: *потерять счёт, для ровного / круглого счёта, сбиться со счёта / счёту, равным счётом, не в счёт, сбрасывать со счёта / счетов, на раз, на счёт раз; в два счёта*.

Модель пространства близка модели множества в том смысле, что пространство можно осмыслять как множество точек на поверхности. Модель пространства представлена такими частными моделями, как **нерархическое пространство** (*на край света, край земли; на краю земли; на край земли*), **неиерархическое пространство** (*вдоль и поперёк, от края [и] до края*), **отрицание конечной точки / области пространства** (*без конца и без края, конца-края нет, ни конца ни края*). **Модели времени** также концептуально близки модели множества, поскольку моменты времени естественно осмысляются как элементы упорядоченного множества (кортежа). Ср., например, указание на начальный и конечный момент некоторой временной последовательности (*от зари до зари; от темна до темна; с утра до вечера / ночи*), описание взаимодополняющих интервалов общего временного интервала (*денно и ночью, день и ночь, днями и ночами, дневать и ночевать*).

Образная часть семантики идиомы часто основывается на сравнении. **Модель эксплицитного сравнения** широко представлена в русской идиоматике. Ср. идиомы как *снежный ком, как по команде, как с куста, [как] по мановению волшебной палочки, [как] по мановению руки, лететь... как на крыльях, нестись... как сумасшедший, бежать как крысы с [тонущего] корабля, стоять / сидеть... как истукан* и т.д. Эта модель может использоваться для указания на самые различные смыслы – ‘быстро’ (*как из пушки, как штык*), ‘много / тесно’ (*как сельди в бочке; как кильки в банке / бочке*), ‘медленно’ (*ползти... как черепаха*), ‘неожиданно’ (*как чёртик / чёрт из табакерки*), ‘окончательно / полностью’ (*разойтись как в море корабли*). Внутри этой модели можно

выделить модель притворного сравнения, которая регулярно реализуется в идиомах для кодировки смысла 'ненужности'. Ср. *нужен как зайцу стоп-сигнал / бубен / триппер / модная болезнь / колокольчик...*; *нужен как козе баян*; *нужен как пятое колесо в телеге*; *нужен как попу гармонь*; *нужен как рыбе зонтик* и т.д.

В русской идиоматике представлены и другие модели внутренней формы. В данном случае существенно, что модель указания на актуальное значение может рассматриваться как важная эвристика для выбора способа описания образа в толковании. Например, модель семантически немотивированного фонетического уподобления основана на случайном фонетическом сходстве лексического компонента реплики собеседника и компонента ответа говорящего. Она используется для указания на неуместность речевого акта собеседника. Ср. речевые формулы [- *Ну?*] – *Дышло гну*; [- *Почему?*] – *По кочану*; [- *Где?*] – *В Караганде*; [- *Кто?*] – *Конь в пальто*; [- *Говорят.*] – [*Где-то*] *кур доят*. Намек на образ в толковании таких форм должен во всех случаях содержать указание на фонетическое сходство. Ср. толкование речевой формулы [- *Ну?*] – *Баранки гну!* в разделе 1.

В образной части толкований идиом *дырка от бублика* и *от жилетки рукава [получить...]* (модель несуществующей части объекта) должно указываться, что в метафоре происходит сравнение с чем-то несуществующим:

дырка от бублика = 'полное отсутствие ресурса как результат его несправедливого распределения, сопоставляемое с несъедобной – и более того, нематериальной – частью хлебобулочного изделия, при том что другим досталась съедобная';

от жилетки рукава [получить...] = 'не получить ничего от ожидавшегося ресурса из-за его несправедливого распределения, что осмысляется как получение несуществующей части чего-л.'

Описание семантики идиом требует представительной типологии моделей внутренней формы идиом. Идиомы с одинаковыми моделями внутренней формы должны иметь сходные черты в структуре толкования – в отображении внутренней формы.

2.2. Внутренняя форма как предвосхищение актуального значения

Образная составляющая слов и фразеологизмов в целом ряде случаев позволяет предсказать набор их актуальных значений, а также некоторые черты семантики этих значений. Образ в этом случае действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащая в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Например, в основе семантики предлогов *кроме* и *помимо* лежат когнитивные схемы движения и пространства, соответственно. В основе *кроме* лежит идея 'нахождения вне пределов чего-либо': в древнерусском языке для аналогичной формы фиксируется значение 'вне, снаружи'. Исходно это местный падеж ед. числа от *крома* (то же, что *кромка*) – 'перегородка' [Фасмер 1964–1973]. Тем самым речь идет о некоторой перегородке, разделяющей пространство (возможно, замкнутое) на две области. Перегородку можно поставить, а можно убрать – отсюда два значения *кроме*: *Единственными свидетелями исторического мгновения, кроме официальных лиц, были тележурналисты* (перегородка снята), *Все вопросы были сняты, кроме одного* (перегородка поставлена). В основе семантики *помимо* лежит идея движения, поскольку он образован от глагола *миновать*. Проходя мимо чего-л., минуя его, мы выводим это из поля зрения (фокуса внимания), однако оно не исчезает вообще. Тем самым, значение «исключения», представленное в семантике *кроме*, у предлога *помимо* отсутствует, поскольку когнитивная схема передвижения допускает появление лишь «объединительного» значения: *Помимо финансовых затрат, реконструкция потребует еще и значительного времени*.

Идиоматика дает еще больше примеров такого рода. Ряд идиом (*про*)чистить мозги, полировать мозги, промывать мозги, сушить мозги основан на образе воздействия

на орган мышления человека – мозг (в варианте *мозги*⁶). Однако характер воздействия влияет как на набор значений этих идиом, так и на содержательные характеристики этих значений. Идиома *(про)чистить мозги* имеет три значения:

1. Говорить что-то адресату, стремясь изменить у него представление о чем-л. и создать нужное субъекту представление об этом, чтобы достичь своих целей. Ср. следующий пример: *Либерал. Хуже нет либералов. Чистить и чистить ему мозги следовало. К примеру, высказывался против индустриализации, против автомобильного транспорта* (Д. Гранин. Картина).

2. Высказывать свое недовольство какому-л. человеку в связи с тем, что он совершил что-то нежелательное, требуя, чтобы он не делал этого в будущем. Второе значение реализуется в таких контекстах: *Алехин отвел Таманцева в сторону и тихо сказал: – Сейчас нет времени, а потом я тебе прочищу мозги! Пора уже повзрослеть!.. В семнадцать ноль-ноль начнется войсковая операция...* (В. Богомолов. Момент истины).

3. Ощущая проблемы с мышлением или осознанием действительности, использовать какой-то стимулятор – алкоголь, сигареты, холодный душ и т. п., – пытаться сделать восприятие более ясным и адекватным. Ср. следующий пример: *Глотнул еще маленько – мозги прочистить от заковырочных вопросов* (Юз Алешковский. Синенький скромный платочек).

Внутренняя форма в первом и втором случае «работает» похожим образом, а в третьем – иначе. В первом и втором случаях манипуляции с органом мышления приводят к удалению нежелательных мыслей адресата – той грязи, которая как бы покрывает мозг: «что описывается как удаление нежелательного содержания, осмысляемого как грязь, с органа адресата, отвечающего, согласно обыденным представлениям, за рациональное мышление». В третьем значении внутренняя форма высвечивает семантику удаления грязи как преграды к нормальному мышлению: «как бы удаляя грязь, мешающую нормально думать и воспринимать, со своего органа, отвечающего, согласно обыденным представлениям, за рациональное мышление». Ни одна из других приведенных идиом этого ряда не имеет такого набора значений. Казалось бы близкая по образу идиома *промывать мозги* имеет только одно значение, почти идентичное первому значению идиомы *(про)чистить мозги*, при этом у нее не развилось ни второе, ни третье значение идиомы *(про)чистить мозги*. Нельзя сказать ^{??}*Сейчас нет времени, а потом я тебе промю мозги!* или ^{??}*Глотну маленько – надо промыть мозги*. Все дело в том, что промывание не обязательно предполагает удаление с помощью воды именно грязи. Промывать можно рыбу от песка или травы, промывают золотоносную породу, вода может промыть протоку и т. д. Таким образом, промывание от грязи в принципе возможно, но не обязательно. Именно это становится ограничителем для образования второго и третьего значений, аналогичных значениям идиомы *(про)чистить мозги*.

Идиома *полировать мозги* основана на образе такого воздействия на объект, которое лишает этот объект неровностей и придает ему гладкий и блестящий вид. Такой образ допускает возникновение значения, похожего на первое значение идиомы *(про)чистить мозги*, однако, в отличие от *(про)чистить мозги*, идиома *полировать мозги* не предполагает обязательное изменение уже существующих представлений у адресата. Она, скорее, фокусирует внимание на создании нужных представлений: «Говорить что-то адресату, стремясь создать у него нужное субъекту представление о чем-л., чтобы достичь своих целей». Это опять-таки связано с образом, лежащим в основе этой идиомы: полировка не предполагает удаление чего-то, что могло отождествляться в

⁶ Для простоты абстрагируемся здесь от проблемы соотношения между концептами, стоящими за словами *мозг* и *мозги*: если в первом случае имеется в виду «орган мышления», то во втором для некоторых идиом что-то вроде «мыслящей субстанции в голове человека» (ср. *сушить мозги*), а для других – «устройство, механизм с функцией мышления» (ср. *прочистить мозги*, *полоскать мозги*, *промывать мозги* и т. п.).

образе с нежелательными мыслями. По той же причине у идиомы *полировать мозги* не возникли второе и третье значения, аналогичные соответствующим значениям идиомы *(про)чистить мозги*.

Образ, заложенный в идиоме *сушить мозги*, радикально отличается от внутренних форм только что рассмотренных идиом. В нем высвечивается идея лишения необходимой жидкости, что делает невозможным появление значений, возникших у идиом *(про)чистить мозги*, *полировать мозги*, *промыть мозги*. Лишение мозга необходимой жидкости в первую очередь приводит к расстройству мышления и возникновению негативно оцениваемого эмоционального состояния:

Сушить мозги (кому-л.) = 'Бессмысленными долгими нудными или неуместными размышлениями, рассказами, претензиями, нравоучениями, враньем и т. п. приводить других людей (или самого себя) в негативное психическое состояние, характеризующееся заторможенностью и затрудненностью мышления, отрицательными эмоциями и т. п., как бы лишая необходимой жидкости орган, отвечающий, согласно обыденным представлениям, за рациональное мышление'.

Из сказанного следует, что образ влияет как на состав развивающихся у идиомы значений, так и на характер этих значений. К настоящему времени во фразеологии отсутствуют какие бы то ни было инструменты, которые позволяли бы предсказывать и объяснять хотя бы на относительно регулярной основе связь между внутренней формой и актуальными значениями идиом. В идеале хотелось бы иметь набор правил вида «Удаление плохого [образ] → Изменение ситуации к лучшему [актуальное значение]». По такой схеме устроено взаимодействие между внутренней формой и актуальным значением не только идиомы *(про)чистить мозги*, но и таких фразеологизмов, как *сбросить / снять камень с плеч* или *пелена упала с глаз*. Выявление типичных способов взаимодействия образа и актуального значения – одно из важнейших и перспективных направлений исследований.

Потенциал образа – возможность разнообразных интерпретаций ситуации, соответствующей образу – задает и возможности развития значений идиомы, то есть структуру ее полисемии. Изучение структуры полисемии идиом – еще одна важная задача семантического описания фразеологии.

3. СТИЛЬ: ФОРМА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

Как показывает анализ материала, на стилистические характеристики идиомы влияют, как минимум, три фактора: актуальное значение, внутренняя форма (образ) и лексический состав. Очевидно, что существуют смыслы, которые больше «тяготеют» к стилистически нейтральному способу выражения, и смыслы, для которых более естественно использование сниженных или, наоборот, высоких регистров речи. Так, таксон хорошо-плохо содержит довольно значительное количество сниженных идиом, в том числе обценных. Ср. *будьте-наше* прост., *будь-будь* прост., *разлюли-малина* снижен., *[ещё] хоть куда* прост., *чин-чинарём* прост., *остатки сладки* прост., *чёрт бы побрал (кого-л./что-л.)* снижен., *всё чики-пики* снижен. жарг., *всё чих-ных* снижен. жарг., *не ахти* прост., *жуть с ружьём* снижен., *не того* снижен. Аналогично с точки зрения стиля организован таксон ненужность-бесполезность, ср. *не пришей кобыле хвост* снижен., *[толку/проку] как от/с козла молока* снижен., *на кой* снижен.

С другой стороны, обнаруживаются смыслы, которые тяготеют к более нейтральному и высокому стилистическому регистру. Типичным примером такого типа следует считать идиомы с семантикой выражения временных отношений. Здесь на фоне нейтрального для идиоматики разговорного регистра большое количество книжных и высоких идиом. Ср. идиомы *от века* устар. высок., *во время оно* высок., *пыль веков* высок., *сдать в архив (кого-л./ что-л.)* книжн., *уходить [своими] корнями (во что-л.)* книжн., *с быстротой молнии* книжн., *[как] по мановению руки* книжн., *до второго*

пришествия книжн., до скончания века книжн., до гробовой доски книжн., золотой век книжн., [ещё] на заре (чего-л.) книжн.; на заре туманной юности книжн., с колыбели книжн., час... между волком и собакой; час... между собакой и волком книжн., младое племя высок., бальзаковского возраста книжн., во цвете лет книжн. Велико в этом таксоне и содержание нейтральных идиом: *в разгаре* нейтр.; *в разгар* (чего-л.) нейтр., *с утра до вечера / ночи* нейтр., *медовый месяц* нейтр., *бархатный сезон* нейтр., *шаг за шагом* нейтр., *от случая к случаю* нейтр.

Второй фактор – внутренняя форма, образ, лежащий в основе актуального значения идиомы. Внутренняя форма идиомы может содержать какие-то специфические компоненты, влияющие на прагматические условия ее употребления – ср. пару идиом *имя им легион* vs. *их как грязи*, выражающих один и тот же смысл «большого количества». Первая получает помету *книжн.*, а вторая – пометы *снижен. жарг.* Очевидно, что стилистическое противопоставление этих форм объясняется, с одной стороны, библейским происхождением первой, а с другой – явно сниженным образом грязного, заложенным во второй.

Третий фактор – лексический состав идиомы. Понятно, что если в состав идиомы входят стилистически окрашенные лексемы, то их стилистические особенности распространяются на всю идиому в целом. Например, *по пьяни* – просторечная идиома, поскольку слово *пьянь* просторечно. Следует иметь в виду, что хотя связь между лексическим составом и образом часто присутствует, это совсем не обязательно. В идиоме *по пьяни* никакого ясно ощущаемого образа нет вообще. К лексическому составу относится и наличие рифмы. Так, в идиоме *[– ... муж?] – Муж объелся груш.* ни одно из слов не является стилистически сниженным. Важным стилистическим фактором здесь является рифма.

Установленные факторы, влияющие на дискурсивные характеристики идиом, очевидно, не исчерпывают все существующие возможности. Необходимо исследовать стилистические особенности идиом для выявления новых факторов, а также исследовать значимость отдельных факторов при их конкуренции. Так, для некоторых идиом выявить причины их стилистической сниженности не удастся, ср. *с концами, сделать ноги*, при том что идиома *унести ноги* просто разговорная. Выражение *переть на рожон*, будучи исходно библеизмом (ср. слова Иисуса, обращенные к Савлу: *жестокости есть противу рожна прати* – Деяния 26, 14), относится, тем не менее, к сниженным идиомам. Очевидно, это происходит из-за глагола *переть*. Почему стилистические характеристики именно этого глагола оказываются более значимыми, чем этимологический фактор, остается не вполне понятным и требует дополнительного изучения.

4. ФАКТОРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ И ИГРОВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ИДИОМ

Одна из характерных особенностей идиоматики – нестандартное употребление, проявляющееся, в частности, в варьировании формы и контекста языковой игры. Как и в предшествующих разобранных случаях, феномен нестандартного употребления представляет собой равнодействующую от множества разнообразных факторов, по большей части почти не изученных. Очевидно, что мощный фактор, способствующий нестандартным употреблением идиомы – это живой и богатый образ, фиксированный во внутренней форме. Так, образный компонент идиомы *ни в какую* почти не осознается носителями русского языка. Как следствие, хотя эта идиома довольно употребительна, игровых контекстов в имеющейся базе данных не обнаружено: на 21 контекст употребления нет ни одного нестандартного контекста. Совершенно иная ситуация с идиомой *вешать лапшу на уши* – из 60 употреблений этой идиомы в базе данных 20 относятся к нестандартным: *сидит весь в этой лапше по самые уши, что она свешивается у него с плеч; Вешал на уши злую лапшу / Ходокам и английским фантастам; покачала лапшой на ушах; Ты мне на мозги макаронны не вешай.* Живой – отчасти сюрреалистический – образ стимулирует творческие потенции носителя языка, заставляя его расширять горизонты языковой способности.

Не все, однако, в феномене нестандартных употреблений идиоматики объясняется образной составляющей. Например, идиома *поезд ушел* основана на живом образе. И действительно, в контекстах с семантикой 'констатация того, что нечто нужное и важное, что можно было бы с успехом сделать раньше, в настоящий момент сделать невозможно или не имеет смысла, поскольку это не даст нужных результатов' обнаруживается 8 игровых употреблений. Ср. контексты следующего типа:

А мода-то, вот она, уж двенадцать лет, как прошла, опоздала, милая, *скорый поезд ушел!* (В. Делоне. Портреты в колючей раме); – *Этот поезд от нас ушел, забудь. Зато нас ждет белоснежный лайнер с местами в каюте первого класса! Вот ради чего стоит прожить остаток жизни* (В. Валущкий. Зимняя вишня); *Поезд ушел, промахнул на слепой скорости все станции с любезными сердцу названиями, назад не воротись...* (Ю. Семенов. Межконтинентальный узел).

Однако эта идиома имеет и другое употребление с семантикой 'указание на то, что нечто, вызывавшее беспокойство и опасения – события, происшествия, чьи-л. действия и т. п., подобно ушедшему поезду, закончилось и, тем самым, не должно более вызывать опасений.' Ср. примеры типа – *Папочка, поезд уже ушел, все нормально, а тебе сейчас надо спать.* В этом значении нестандартных употреблений в имеющейся базе не зафиксировано вовсе. Конечно, отчасти это объясняется меньшей употребительностью данного значения. Однако вряд ли это единственная причина полного отсутствия нестандартных контекстов при очевидной живости образа. Наверное, это связано и с тем, что второе значение, в отличие от первого, отражает положительно оцениваемую ситуацию. В любом случае понятно, что описание таких особенностей нестандартного употребления идиом требует дополнительных исследований.

5. СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИДИОМ

5.1. Отрицание в идиомах

Как известно, фразеология – это сфера нерегулярного, демонстрирующая, впрочем, свои особые закономерности. Отрицание идиом в этом отношении не уникально: его введение в идиому не всегда дает предсказуемый результат. В ряде исследований было показано, что глагольные идиомы по отношению к отрицанию разделяются на несколько подгрупп: 1) **сильные эксплицитно-негативные идиомы**, включающие отрицание как составную часть словарной формы и не допускающие его элиминации (ср. *Работа у него не бей лежачего* при неправомерности **Работа у него бей лежачего*); 2) **слабые эксплицитно-негативные идиомы**, включающие отрицание как составную часть словарной формы и допускающие его элиминацию в некоторых видах контекстов (ср. идиому *не тронуть [и] пальцем (кого-л.)*, теряющую отрицание в контекстах угрозы и в предложениях условия: *Если ты тронешь его хоть пальцем, смотри!*); 3) **сильные эксплицитно-позитивные идиомы**, не содержащие отрицания в словарной форме и не допускающие введение отрицания (ср. *Он тебе в отцы годится* при невозможности **Он тебе в отцы не годится*); 4) **слабые эксплицитно-позитивные идиомы**, не содержащие отрицания в словарной форме, но допускающие введение отрицания (ср. идиому *вешать лапшу на уши*, в принципе не пропускающую отрицания, но требующую его в определенных формах, например, в императиве: – *Вы, говорю, змеи, не вешайте мне лапшу на уши!* (Абрам Терц. Голос из хора)) [Баранов, Юшманова, 2000; Баранов, Добровольский 2008: 289–323].

Контексты пропуска отрицания для слабых эксплицитно-позитивных и эксплицитно-негативных идиом обсуждались в литературе. К ним относятся, например, речевые акты запрета и предостережения, ср. *Не крути мозги!*, *Не забивай себе голову!*; контекст цитации (<...> *редакции стали настоятельно советовать «не гнать волну» и «притушить» дискуссию по поводу погранналога* (Известия)); контекст будущего

времени (*Ты как хочешь, но я за целковый на задних лапах ходить не буду!*); условные конструкции (*Если Россия не возьмется за ум, она останется на обочине*); придаточные предложения с семантикой цели (*<...> я просился на строгий режим или в тюрьму как раз с той самой целью, чтоб грех на душу не брать* (В. Делоне. Портреты в колючей раме)); некоторые типы вопросительных предложений (*– А за изменение текста сценария на озвучивании нам по мозгам не дадут?*).

За пределами обсуждения остались семантические и синтаксические характеристики сильных эксплицитно-позитивных и эксплицитно-негативных идиом. Судя по всему, полный запрет на пропускание отрицания (или его снятие) непосредственно связан с их семантикой – с актуальным значением и внутренней формой. Некоторые закономерности выявляются сравнительно легко на первом этапе анализа. Так, не пропускают отрицания сентенциальные идиомы типа *а ларчик просто открывался, бабушка надвое сказала, вернемся к нашим баранам*. Во многом это объясняется фиксацией структуры идиом такого типа: в них просто не предусмотрено место для введения отрицания. Как правило, не сочетаются с отрицанием идиомы, в поверхностной структуре которых представлен союз *как* и его аналоги: *бежать как черт от ладана, беречь как зеницу ока, везет как утопленнику, будто в воду смотреть, будто ветром сдуло, врать как сивый мерин, расти как грибы*. По-видимому, это связано с противоречием между актуальным значением и внутренней формой этих идиом. Обычные сравнения проницаемы для общего отрицания, которое синтаксически связывается с *как*: *Неверно, что он делает все как я → Он делает все не как я*. Аналогично изменяется и семантическая структура, в которой представлен предикат сравнения. Однако актуальное значение идиом рассматриваемого типа сравнения, как правило, не содержит: *Х бежит от Y-а как черт от ладана ≈ 'Х не желает иметь дело с Y-ом и предпринимает для этого активные усилия'*; *Х-ы растут как грибы ≈ 'Х-ы очень быстро количественно увеличиваются'*. Отрицание в идиомах такой структуры должно было бы вводиться по стандартной схеме, то есть к союзу *как* во внутренней форме, однако в актуальном значении этому союзу ничего не соответствует, поскольку сравнительный оборот – это лишь способ указания на высокую степень проявления признака – *Magis*. Именно это и оказывается причиной не пропуска отрицания.

Отметим, что и в других случаях, где присутствует идея высокой степени проявления признака, введение отрицания существенно затруднено, ср. *беречь пуще глаза / глазу, бить ключом, бить через край, покраснеть до корней волос, выдать с головой*. Здесь действует общее правило: отрицание, будучи не только семантическим, но и синтаксическим феноменом, «работает» с внутренней формой, а внутренняя форма идиом – это лишь способ кодирования актуального значения. Если способ кодирования актуального значения во внутренней форме и само актуальное значение образуют композиционную структуру, то отрицание пропускается более регулярно. В тех же случаях, когда идиома семантически нечленима, введение отрицания осложнено, ср. *медведь на ухо наступил (кому-л.)*. Появление отрицания в этом случае может дать эффект материализации метафоры, фиксированной во внутренней форме. Понятно, однако, что свойства сильных эксплицитно-позитивных и сильных эксплицитно-негативных идиом, влияющие на невозможность введения или элиминации отрицания, требуют особого обсуждения, причем, как и в других рассмотренных случаях, здесь требуется учет разнообразных факторов – характера актуального значения, характеристик внутренней формы, степени членимости идиомы, семантики контекста.

5.2. Пассивизация идиом: взаимодействие семантики и синтаксиса

Идея взаимодействия различных факторов функционирования фразеологии и, соответственно, необходимость факторного анализа хорошо видны на примере пассивизации идиом. Для пассивизации могут быть сформулированы условия, соблюдение которых позволяет осуществлять эту трансформацию, не нарушая требований узуса.

Глаголы и глагольные фразеологизмы могут пассивизироваться только в том случае, если они осмысляются как лексемы с **агентивно-переходной семантикой**. Специфичным для идиоматики оказывается требование агентивно-переходной интерпретируемости не только относительно актуального значения, но и относительно образной составляющей. Иными словами, идиома, прочитанная буквально, также должна допускать агентивно-переходную интерпретацию. Например, идиома *быльем поросло* в принципе не может образовывать пассив, так как ни ее актуальное значение, ни ее внутренняя форма не интерпретируемы как агентивно-переходные. Идиома *мерить всех на свой аршин*, взятая в буквальном значении, обладает агентивным значением, но ее актуальное значение описывает не действие, а некоторое ментальное состояние субъекта (нечто вроде 'будучи неспособным встать на точку зрения других людей или не желая это делать, руководствоваться в своих суждениях исключительно собственными ценностными представлениями'), поэтому вряд ли возможно сказать *?? всё мерилось (им) на его аршин*.

Помимо общего семантического требования агентивно-переходной интерпретируемости идиомы, существуют и другие – семантико-синтаксические – предпосылки пассивизации. В компонентном составе идиомы или в ее актантной рамке должна присутствовать именная группа, способная к продвижению в позицию подлежащего. Эта общая предпосылка реализуется в сфере идиоматики в двух вариантах:

1) в валентностной структуре идиомы должна присутствовать валентность, актант которой способен взять на себя функцию подлежащего; ср. *связать по рукам и ногам кого-л.* → *кто-л. был связан по рукам и ногам, стереть в порошок кого-л.* → *кто-л. был стерт в порошок, взять на бордаж кого-л.* → *кто-л. был взят на бордаж, предать анафеме кого-л./что-л.* → *кто-л./что-л. был(о) предан(о) анафеме, размазать по стенке кого-л.* → *кто-л. был размазан по стенке, встретить в штыки что-л.* → *что-л. было встречено в штыки;*

2) именная группа, перемещаемая в позицию подлежащего, является компонентом самой идиомы (а не просто ее валентностью) и должна в этом случае обладать относительно самостоятельным значением; ср. *спутать все карты* → *все карты были спутаны, испортить всю обедню* → *вся обедня была испорчена, дать зеленый свет* → *зеленый свет был дан, взять барьер* → *барьер был взят.*

Само собой разумеется, что предложенное здесь правило пассивизации регулирует лишь принципиальную возможность образования соответствующих форм. Реальная употребительность этих форм зависит от ряда причин, выходящих за рамки соотношения семантики и синтаксиса в точном смысле – в первую очередь от коммуникативной целесообразности пассивизации в каждом конкретном случае и от узуса каждого конкретного языка на данном этапе его развития. Это становится особенно очевидным при сопоставлении разных языков. Лингвоспецифические аспекты узуализации пассивных конструкций становятся очевидными, например, при сопоставлении русской идиомы *взять быка за рога* с немецкой *den Stier bei den Hörnern packen*. Ср. сомнительное выражение *?? Бык снова был взят за рога, задача была решена* и совершенно узуальное немецкое выражение *Der Stier ist auch heute wieder bei den Hörnern gepackt worden; man hat die Aufgabe gelöst* (пример В. Фляйшера [Fleischer 1997: 50]).

В целом использование семантического потенциала, заложенного во внутренней структуре идиомы, до известной степени индивидуально – зависит от языковой компетенции каждого конкретного говорящего. Иными словами, поскольку степень членности идиомы может быть различной, в случаях ее слабой выраженности остается место для индивидуального варьирования в интерпретации. Видимо, важным фактором, влияющим на синтаксическое поведение идиомы, оказывается степень узуализованности грамматической формы пассива для выражения тех или иных смыслов в разных языках и в разных типах дискурса. Известно, что пассив как грамматическая категория в английском языке более регулярна, чем в немецком, а в немецком – более регулярна, чем в русском. Понятно, что это влияет на пассивизацию идиом, но в какой мере и как – не вполне ясно.

Имеются и другие примеры нарушения сформулированного принципа пассивизации идиом. В некоторых случаях очевидной семантической нечленимости идиомы пассивизация тем не менее оказывается возможной. Ср. *вылить ушат холодной воды (на кого-л.)* → *(на кого-л.) был вылит ушат холодной воды*, *поставить крест (на ком-л./чем-л.)* → *(на ком-л./чем-л.) был поставлен крест*. Значение идиомы *поставить крест* в силу устройства лежащей в ее основе метафоры плохо членится на семантически самостоятельные фрагменты, изоморфные компонентам *поставить* и *крест*. Ср. недопустимость трансформаций типа **крест, который был на нем поставлен* или **какой крест был поставлен на нем?* Одно из возможных объяснений состоит в том, что здесь имеется рассогласование синтаксиса и семантики. В топиальную позицию выносятся не компонент *крест*, который формально становится подлежащим, а актант, заполняющий пациенсную валентность (или какой-либо другой семантически прозрачный член предложения); ср. нейтральное высказывание *На Иване Ивановиче был поставлен крест* без контрастивного выделения, с одной стороны, и высказывание *??Крест был поставлен на Иване Ивановиче*, явно требующее специальных контекстных условий и специфической просодии, – с другой. Окончательный вывод о причинах подобных отклонений от общего правила можно будет лишь сделать на основе обобщения достаточно представительного языкового материала.

5.3. *Пойти поразительным прахом* или *дать коммерческий мах* (ввод определения в структуру идиомы)

Еще одна лексико-синтаксическая трансформация, которая встречается при употреблении идиом – это введение определения. Для одних идиом эта операция тривиально осуществима (*попасть в переплет* → *попасть в жестокий / крутой / жуткий переплет*). Для других идиом она либо вообще невозможна, либо допустима только в случае языковой игры или в специальных контекстах (*ходить ходуном* → *ходить отъявленным ходуном*).

Анализ показывает, что данная модификация стандартно допустима при соблюдении двух условий.

1. Идиома должна быть семантически членимой, причем чем большей семантической автономностью обладает именная группа в составе идиомы, тем более нормальной оказывается данная модификация (**условие семантической членимости**).

2. Вводимое в структуру идиомы прилагательное не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с ее буквальным прочтением, т.е. с образной составляющей (**условие семантического согласования**)⁷.

Например, в идиоме *бередить раны* именной компонент *раны* явно автономен, а прилагательное *старые* хорошо сочетается и с его буквальным и с его метафорическим значением. Тем самым, выражение *бередить старые раны* оказывается абсолютно нормальным. С другой стороны, выражение *сухая капля в многомиллионном море* ощущается как нарушающее норму. Причина в том, что прилагательное *многомиллионное* не сочетается со словом *море* в прямом значении: такое сочетание возможно только в идиоматическом понимании, т.е. как ‘нечто огромное, насчитывающее многие миллионы сущностей’, но не в буквальном. В целом, чем больше противоречие между актуальным значением идиомы, ее внутренней формой, с одной стороны, и семантикой прилагательного – с другой, тем сильнее отступление от стандарта. Требование семантического согласования градуально еще и в том смысле, что условие сочетаемости, не противоречащей внутренней форме, играет тем большую роль, чем сильнее мотивированность данной идиомы. В тех случаях, когда метафора жива, это требование должно выполняться строже, чем в случаях, когда образ, лежащий в основе внутренней формы идиомы, практически стерт.

⁷ См. подробнее [Добровольский 2007].

Нарушение условия семантического согласования может быть в принципе двух видов. Если вводимое определение семантически согласовано с актуальным значением идиомы, но вступает в содержательное противоречие с ее внутренней формой, результирующие контексты имеют вид типа *расхлебывать эту финансовую кашу*. Вводимое прилагательное привязывает идиому к тематике данного контекста *ad hoc* и соответствующим образом конкретизирует ее значение, т. е. мы имеем дело с контекстно-зависимой модификацией. А если вводимое определение вступает в семантическое противоречие с актуальным значением идиомы, высвечивая тот или иной аспект ее внутренней формы, порождаются контексты типа *милиционеры попали в неприятную прохладную лужу*. Прилагательные в данном случае фокусируют метафору, лежащую в основе внутренней формы идиомы. Поскольку актуальное значение идиомы при этом все равно реализуется, возникает эффект двойной актуализации, когда в силу особенностей контекста в фокусе одновременно оказывается и актуальное значение идиомы, и ее образная составляющая.

Как показывает изучение материала, в текстовых корпусах современного русского языка легко найти значительное количество нестандартных употреблений идиом такого рода. Иными словами, они являются реальной частью современного словоупотребления, отражая языковую компетенцию носителей. Возникает вопрос, почему их так много и что определяет столь широкое нестандартное употребление идиоматики.

5.4. Проблема описания каузативов

Семантическая структура каузативов представляет определенную проблему как с точки зрения лексикографии, так и для теоретического описания семантики идиом. Априори можно было бы ожидать, что каузативы семантически симметричны, т. е. что их значения различаются ровно на один компонент – ‘Р’ vs. ‘сделать так, чтобы Р’. Действительно, во многих случаях подобная симметрия имеет место. Ср. *получить (что-л.) на блюдечке [с голубой каёмочкой]* ‘получить что-л. в готовом для использования виде, не затратив для этого ни малейших усилий, что обычно оценивается отрицательно’ vs. *принести (что-л. кому-л.) на блюдечке [с голубой каёмочкой]* ‘сделать так, чтобы кто-л. получил что-л. в готовом для использования виде, не затратив для этого ни малейших усилий, что обычно оценивается отрицательно’. Однако в сфере идиоматики встречается немало случаев, когда подобная симметрия отсутствует. В частности, каузативы могут различаться набором значений. Ср. идиомы *прийти к общему / единому / одному знаменателю* и *привести к общему / единому / одному знаменателю (что-л.)*. Первая идиома имеет лишь одно значение ‘(о людях) в результате обсуждения согласовать свои, изначально различавшиеся, мнения, представления и т. п. о чем-л.’: *Гипотез о том, почему междоусобица, то затихая, то вспыхивая вновь, тянется вот уже тысячи лет, существует множество. Но ученые все никак не придут к общему знаменателю* (Огонск). Между тем, вторая идиома имеет два значения: 1) ‘сделать так, чтобы некоторые явления, объекты действительности, их свойства и т. п. стали в своей основе иметь много общего’ и 2) ‘сделать так, чтобы какие-л. явления, объекты действительности, их свойства и т. п. приобрели общие для всех усредненные характеристики, что оценивается говорящим отрицательно’; ср. характерные контексты:

Объединение финансовых и художественных усилий – обычное дело в практике СМИ. Точно так же понятно стремление московских телебоссов *привести к общему знаменателю* всю районную кабельную самодеятельность [Корпус Публицистики] (значение 1); Редакторы намеренно не пытались *привести* мнения авторов статей и используемые каждым из них методы исследования *к общему знаменателю*, предпочтя продемонстрировать разнообразную палитру практикующихся в современном музыкознании аналитических методик [Корпус Публицистики] (значение 2).

Важно подчеркнуть, что ни одно из этих значений не может быть представлено как простое производное от значения идиомы *прийти к общему/единому/одному знаменателю* по правилам образования каузатива. Остается непонятным, есть ли какие-то хотя бы относительно универсальные факторы, предсказывающие семантическую нерегулярность образования каузатива в подобных случаях.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что термин «факторный анализ» используется нами здесь скорее в метафорическом смысле, т.е. не как формальная процедура, за которой стоит серьезный математический аппарат, а как исследовательская эвристика, исходящая из того, что описание рассмотренных явлений фразеологии невозможно без учета самых разнообразных параметров. На первый взгляд, эти параметры представляются автономными. Однако более внимательный анализ показывает, что многие из этих факторов связаны друг с другом, причем часто в центре этих связей стоит внутренняя форма. Она влияет и на актуальное значение идиомы и на ее прагматику, а также на лексико-синтаксические трансформации ее структуры, на характеристики стиля и даже на сферу нестандартных употреблений.

Исследование намеченных здесь проблемных областей требует привлечения значительного эмпирического материала и обращения к категориальному аппарату современных семантических теорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов, Добровольский 2008 – *А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский*. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Баранов, Юшманова 2000 – *А.Н. Баранов, С.И. Юшманова*. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения // ВЯ. 2000. № 1.
- Добровольский 2007 – *Д.О. Добровольский*. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2.
- Митина, Михайловская 2001 – *О.В. Митина, И.В. Михайловская*. Факторный анализ для психологов. М., 2001.
- Михельсон 1902–1903 – *М.И. Михельсон*. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: В 2 т. СПб., 1902–1903.
- Фасмер 1964–1973 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Харман 1972 – *Г. Харман*. Современный факторный анализ. М., 1972.
- Fleischer 1997 – *W. Fleischer*. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1997.